

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра политологии философского факультета

Кафедра политических наук филиала КФУ в г. Набережные Челны

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ**

очерки

Казань

2011

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)6
П 50

*Печатается по решению Ученого совета философского факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Коллектив авторов

профессор **О.И. Зазнаев** – руководитель авторского коллектива (глава 1), профессор **М.Х. Фарукшин** (главы 2 и 4), доцент **Э.Х. Аетдинов** (глава 3), доцент **В.Т. Сакаев** (глава 5), профессор **А.Г. Большаков** (глава 6), доцент **Г.Б. Липартелиани** (глава 7), ассистент **З.В. Силаева** (глава 8), профессор **С.А. Сергеев** (глава 9).

Научный редактор

доктор юридических наук, профессор **О.И. Зазнаев**

Рецензенты

доктор философских наук, профессор **А.Г. Воржецов**
кандидат политических наук **М.И. Хабиров**

П 50 Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О.И. Зазнаева; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань: Отечество, 2011. – 230 с.

ISBN 978-5-9222-0461-3

Работа (кроме главы 9) выполнена в рамках НИР № 1.68.11 Темплана Казанского (Приволжского) федерального университета 2011 г. Научный руководитель темы – профессор **М.Д. Щелкунов**.

Монография подготовлена по итогам «круглого стола», проведенного кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ) и кафедрой политических наук филиала КФУ в г. Набережные Челны 29 июня 2011 года. В книге анализируется национально-государственная идентичность, взаимосвязь национализма, этнической идентичности и государственной этнополитики, партийная идентификация, демографический фактор политической идентичности в России, региональная идентичность Центральной Азии, Южного Кавказа, Черноморского региона, государственная идентичность Боснии и Герцеговины, политическая идентичность движения «антифа» в России. Для академических ученых, профессиональных политиков, политических журналистов, преподавателей и студентов вузов.

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)6

© Казанский (Приволжский)
федеральный университет, 2011
© Коллектив авторов, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Национально-государственная идентичность: зарубежный опыт и Россия	6
Глава 2. Национализм и этническая идентичность	29
Глава 3. Этническая идентичность и государственная этнополитика: вопросы взаимосвязи	52
Глава 4. Партийная идентификация в контексте политической идентичности	84
Глава 5. Демографический фактор политической идентичности в современной России	112
Глава 6. Региональная идентичность на постсоветском пространстве: сравнительный анализ Центральной Азии и Южного Кавказа	131
Глава 7. Идентичность Черноморского региона: проблемы формирования	161
Глава 8. Государственная идентичность Боснии и Герцеговины	181
Глава 9. Движение «антифа» в современной России: формирование политической идентичности	201
Сведения об авторах	229

ПРЕДИСЛОВИЕ

In identitas veritas. Истина – в идентичности. Сегодня пытаюсь что-то объяснить в политике, будь то события в парижских пригородах, приток иммигрантов в США, состояние Европейского Союза или «особость» России, мы прибегаем к концепту «идентичность». Вчера мы говорили о «самосознании», «самоопределении», «национальном характере», «культуре», а сегодня – об идентичности. Национальной, гражданской, цивилизационной, политической, социокультурной, этнической, конфессиональной, гендерной... Помогает ли нам в осмыслении современного мира эта «палочка-выручалочка»?

Идентичность – многозначное и неопределенное понятие. Его интерпретация применительно к разным группам и государствам существенно разнится среди авторов. На вопрос «Кто мы?» следуют десятки, если не сотни непохожих ответов. А если учесть, что большинство исследователей конструируют идентичность по своему разумению, то «найти правду» чрезвычайно непросто. В результате научное сообщество испытывает, как остроумно заметил В.С. Малахов, «неудобства с идентичностью»¹.

Сложными являются проблемы, связанные с политической идентичностью. Этот тип идентичности получает неоднозначное толкование среди политологов. Одни зауживают это понятие, трактуя его как отождествление человека с политической партией, другие, напротив, неправомерно расширяют, фактически приравнивая политическую идентичность к социокультурной или цивилизационной идентичности.

При изучении феномена политической идентичности возникает ряд вопросов. Какова методология анализа этого понятия? Какие виды политических идентичностей можно выделить? Что такое национальная (национально-государственная) идентичность? Что представляет собой

¹ Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2.

«политика идентичности»? Как соотносятся между собой национализм, этническая идентичность и этнополитика? Каковы факторы формирования политической идентичности? Каково состояние политической идентичности в современной России? В чем заключаются особенности национальных и региональных идентичностей на постсоветском пространстве, в Центральной и Восточной Европе? Какова специфика политической идентификации групп и движений?

Пытаясь ответить на эти вопросы, преподаватели двух кафедр – кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета и кафедры политических наук филиала КФУ в г.Набережные Челны летом 2011 года провели совместный «круглый стол». Итогом этого мероприятия стала данная монография. Мы не претендуем на полное и всестороннее раскрытие всех проблем, связанных с политической идентичностью и политикой идентичности. Наша цель была скромной: лучом прожектора «выхватить» и проанализировать некоторые «болевые точки» идентичности. Читатель видит главы как общего, так и частного характера, а также главы со страновой, региональной «привязкой» и без таковой. Поэтому наши монографические разработки мы назвали «очерками». Данная книга представляет собой попытку предложить свое видение отдельных узловых моментов политической идентичности. Мы надеемся на продолжение дискуссии и готовы выслушать любые мнения и оценки.

Ведущий исследователь идентичности Э.Эриксон назвал идентичность «туманной и непостижимой». Хочется надеяться, что публикация этой книги позволит несколько развеяться этому туману...

О. Зазнаев

Глава 1

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЯ

О.И. Зазнаев

Проблематика идентичности является чрезвычайно актуальной, поскольку вопрос о том, кто мы и кем являемся, закономерно встает перед каждым индивидом, группой и социумом. Одной из наиболее важных форм самоотождествления личности является национально-государственная идентичность. В научной литературе эта разновидность идентичности именуется по-разному: национальная, общенациональная, гражданская, общегражданская, страновая. В самом общем виде можно сказать, что национально-государственная идентичность – это осознание и ощущение человеком своей принадлежности к тому или иному государству, отождествление себя с определенной нацией, на основании которых формируются поведенческие модели в рамках государственности. При этом следует отграничивать национально-государственную идентичность от этнической. Последняя есть отождествление человека с определенной этнической группой. На практике возможно совпадение национально-государственной и этнической идентичности (немец как гражданин и немец как представитель этнической группы), однако на понятийной уровне необходимо различать эти два вида идентичности.

Национально-государственная идентичность играет важную роль в политической системе. Во-первых, через механизм идентификации происходит интеграция людей в общество и его структурные элементы, включая государство. Во-вторых, идентичность обеспечивает преемственность общественного развития, что для государства немаловажно. В-третьих, она определяет поведение людей, которые

принимают правовые нормы, исходящие от государства, с которым они себя идентифицируют. В-четвертых, благодаря идентичности происходит мобилизация людей на совершение политических действий¹. В-пятых, от того, с каким путем политического развития и с какой общностью идентифицирует себя большинство населения данной страны, во многом зависит общее направление политического и социально-экономического развития общества². В-шестых, идентичность цементирует общество, обеспечивает стабильность политической системы, так как наличие прочных ментально-чувственных «мостиков» между государством и личностью способствует сохранению статус-кво. Национально-государственная идентичность рассматривается в качестве «связующей силы, которая удерживает национальные государства вместе и формирует их отношения с другими государствами»³.

О том, насколько значимы проблемы национально-государственной идентичности, свидетельствует такой пример. В своей речи россияне часто используют словосочетание «наш президент». Однако если спросить жителей Татарстана, кого они имеют в виду, то можно получить разные ответы: для одних – это президент России, а для других – президент Татарстана. Такая разница является результатом «наложения» общероссийской и региональной идентичности. В Соединенных Штатах Америки, которые, как хорошо известно, отличаются четко выраженным индивидуализмом, люди говорят иначе: «мой президент». Все эти высказывания являются не только отражением разных культур, но, прежде всего, характеризуют национально-государственную идентичность.

¹ См.: Фарукшин М.Х., Зазнаев О.И. Политическая идентичность в контексте политической культуры: учеб.-метод. пособие. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – С. 27–28.

² См.: Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. – 2008. – № 3. – С. 29.

³ Smith T.W., Kim S. National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/2004 // International Journal of Public Opinion Research. – 2006. – Vol. 18. – № 1. – P. 127.

Когда мы говорим о национально-государственной идентичности, то возникает вопрос: что значит быть россиянином, немцем, американцем? В 2009 году в Германии был проведен опрос общественного мнения, в ходе которого 73% респондентов сказали, что человек может считаться немцем, если имеет немецкий паспорт¹. Достаточен ли для возникновения национально-государственной идентичности факт правовой связи человека с тем или иным государством?

С одной стороны, должна существовать объективная основа идентификации – действительная, а не ложно приписываемая принадлежность человека к определенному государству, его связь с малой и большой Родиной². Эта принадлежность считается фактом, если признается окружающими индивида людьми, обществом, государством, другими государствами. Скажем, попытка россиянина, родившегося и всю жизнь прожившего в России, отождествить себя в качестве американца или швейцарца, будет обречена на провал.

С другой стороны, любая идентичность есть не столько объективный, сколько субъективный феномен. Неслучайно, крупный исследователь идентичности Б.Андерсон говорит о том, что идентичность «воображается». Существенная роль в производстве и воспроизводстве идентичности принадлежит не только объективно существующим различиям, но и общественному сознанию, т.е. тому, как эти различия осознаются, какой им придается смысл и вес³.

В структуре национально-государственной идентичности можно выделить три компонента – когнитивный, аффективный и поведенческо-регулятивный. Первый компонент – когнитивный включает в себя

¹ См.: Сафран У. Национальная идентичность во Франции, Германии и США: Современные споры // Политическая наука. – 2011. – № 1. – С. 84.

² См.: Фарукшин М.Х., Зазнаев О.И. Указ. соч. – С. 25.

³ См.: Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2005. – С. 6.

определенные представления людей о том, как они связаны с тем или иным государством, что лежит в основе этой связи. Один из американских стереотипов, существовавший на протяжении длительного времени, – мнение о том, что настоящий американец – это белый англо-саксонский протестант (*white anglo-saxon protestant – WASP*). Сегодня такое представление подвергается сомнению в связи с притоком иммигрантов в Соединенные Штаты и пересмотром традиционной политики «плавленного тигля». Ф.Фукуяма пишет, что если общество не может отстаивать позитивные либеральные ценности, ему может быть брошен вызов со стороны мигрантов, которые знают наверняка, кем они являются¹.

Визитной карточкой Сан-Марино и главным, по мнению граждан этого микрогосударства, достоинством страны является свобода. При въезде в эту страну на дороге красуется надпись: «Добро пожаловать на землю свободы!». Здесь турист всюду встречает упоминания о свободе. Жители Сан-Марино утверждают, что были свободными даже тогда, когда на территории стояли иностранные войска, поскольку они оставались «свободными в душе».

Второй компонент национально-государственной идентичности – аффективный складывается из ощущений, эмоций, чувств, которые испытывает человек по отношению к тому или иному государству. Ф.Фукуяма метко заметил, что идентичность идет не только из головы, но из сердца². Чаще всего идентичность проявляется в чувстве гордости за свою страну, уважения и почтения к своей отчизне, самоуважения в связи с разнообразными достижениями. Определенными «скрепами» российской государственности являются любовь к Пушкину и гордость за победу советского народа в Великой Отечественной войне. Но аффективная сторона национально-государственной идентичности не обязательно

¹ См.: Fukuyama F. Identity and Migration // Prospect Magazine. – 2007. – 25 February. – № 131. – Режим доступа: <http://www.prospectmagazine.co.uk/2007/02/identityandmigration/>, свободный. Проверено: 5.10.2011.

² См.: *ibid.*

является позитивной: граждане могут испытывать чувство стыда за действия совершенные государством или на территории государства. Так, немецкой идентичности присущ комплекс вины за холокост в годы второй мировой войны.

Наконец, третьим компонентом национально-государственной идентичности является поведенческо-регулятивный. Он складывается из готовности к совершению определенных действий по отношению к государству, с которым человек себя ассоциирует. В Канаде были проведены любопытные опросы общественного мнения, в ходе которых выяснилось, что 89% канадцев гордятся страной, когда видят канадский флаг или слышат национальный гимн, но при этом стесняются публично заявить об этом¹. Скромность – черта национального характера канадцев, которая находит свое отражение в моделях их политического поведения. Одной из основ американской идентичности является патриотизм и готовность к совершению действий в защиту государства: как говорил Ф.Рузвельт, хороший американец – верный своей стране и ее кредо свободы и демократии.

Как справедливо было отмечено в литературе, национально-государственная идентичность является результатом двух процессов: с одной стороны, сходства, тождества, подобия («мы – россияне») и, с другой стороны, различия («мы – другие»)². Идентичность, как пишет С.Спенсер, формируется не только на основе того, кто «мы» и кого «мы» любим, но и на основе того, «кем «мы» не являемся» и «кого «мы» боимся или ненавидим»³. Значимость определения гражданами черт, им присущих, и черт, отличающих их от иностранцев, хорошо видна в Канаде. Находясь по соседству с США, Канада испытывала и испытывает

¹ См.: Dyck R. Canadian Politics: Critical Approaches. – 3rd ed. – Scarborough, Ontario: Nelson Thomson Learning, 2000. – P. 209.

² См.: Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов... – С. 6.

³ Цит. по: Фарукшин М.Х., Зазнаев О.И. Указ. соч. – С. 27.

огромное влияние со стороны своего южного соседа. Неслучайно, существует масса эпитетов, в которых подчеркивается отсутствие уникальности Канады («пятьдесят первый штат США», «чердак Америки») и канадцев («бледная тень американцев», «канадец – это тот же американец, только без пушки»). На протяжении истории канадцы много усилий прилагали к тому, чтобы доказать, что они не британцы и не американцы. Однако далеко не всегда можно услышать убедительный ответ на вопрос о том, в чем же уникальность канадцев. Опыт Канады с очевидностью демонстрирует, что для формирования национально-государственной идентичности недостаточно лишь одного отрицания («мы – другие»).

Недостаток такого рода позитивной идентификации наблюдается и в России. Широко распространено суждение об «особом пути» нашей страны. По данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 1999 г., 60% респондентов считали, что Россия представляет собой «особую» страну, не похожую ни на Европу, ни на Азию¹. При этом 23% опрошенных полагали, что Россия сочетает в себе черты Европы и Азии, и 9% респондентов были убеждены в том, что Россия – европейская страна². Если согласиться с тем, что Россия – не Европа и не Азия, то закономерно возникает вопрос: а в чем выражается это особый путь? Поиск национально-государственной идентичности идет и в других постсоветских государствах. Если страны Балтии определились с тем, кем они являются и с кем себя идентифицируют, то остальные страны находятся в поиске «себя», поскольку спустя двадцать лет после распада СССР строить свою идентичность лишь на отрицании нельзя. За это время выросло новое поколение, которое рассчитывает получить четкие ориентиры.

¹ См.: Пантин В.И. Указ. соч. – С. 34.

² См.: там же.

Одним из дискуссионных вопросов науки и политической практики является вопрос о том, каковы основания национально-государственной идентичности? Казалось бы, ответ прост: в основе ее лежит государственность, то есть национально-государственная идентичность возникает там, где есть государство со всеми его атрибутами. Однако при этом возникает несколько «но».

Во-первых, возможна ситуация, когда существует государство, но отсутствует национально-государственная идентичность или она очень слаба. Речь идет, прежде всего, о «несостоявшихся» государствах (Сомали) или вновь возникших государствах (Южный Судан). Хорошо известно высказывание о том, что мы создали Италию, теперь нужно создавать итальянцев. В России общим местом как научных публикаций, так и политических выступлений является тезис о том, что в стране так и не сложилась национальная идентичность¹. В странах, столкнувшихся с кризисом идентичности, можно встретить суждения об ее отсутствии. Так, канадцы любят говорить, что у них нет своей особой идентичности. Канадский философ и специалист по медиа М.Маклухан так высказался: «Канада – единственная страна в мире, которая знает, как жить без идентичности». Представляется, что когда мы говорим об идентичности, то не следует рассуждать категорически (есть она или нет), ощущение связанности людей с государством может быть сильным или слабым, но в крайне редких случаях оно отсутствует совсем.

Во-вторых, в непризнанных государствах может иметь место ярко выраженная территориальная и (или) этническая идентичность с чертами национально-государственной идентичности. Понимая, что тезис о существовании национально-государственной идентичности без государства крайне спорен, все же отмечу продуктивность высказанной

¹ См., например: Пантин В.И. Указ. соч. – С. 30; Левичев Н. Выступление на парламентских слушаниях «Роль гуманитарных наук в формировании общероссийской идентичности» // http://www.levichev.info/2_249.html

М.Кастельсом идеи о «проективной» идентичности, когда социальные акторы на основе доступного им культурного материала строят новую идентичность, которая переопределяет их положение в обществе и направлена на преобразование всей социальной структуры¹.

В-третьих, сегодня происходит размывание самой государственности. Этот процесс идет, прежде всего, сверху, когда получают распространение наднациональные и надгосударственные образования (яркий пример этого – Европейский Союз), и снизу, когда усиливаются регионы, входящие в состав государств. Глобализация ведет к ослаблению государства на всех уровнях, снижается значимость государственных границ. Наблюдается «уход» от традиционного государственного влияния и контроля, скажем, в Интернете. Появляются новые сообщества, с которыми люди себя ассоциируют. Однако, на мой взгляд, значимость процессов размывания государственности не следует преувеличивать. Государство еще очень сильно, и, перефразируя известную фразу, можно сказать, что «слухи о его гибели сильно преувеличены». Государство остается основным политическим игроком. Именно на государственной «арене» разворачивается основная политическая борьба, а, значит, сохраняется прочная основа для поддержания национально-государственной идентичности.

Наконец, в-четвертых, такие конкурирующие с национально-государственной идентичностью идентичности, как конфессиональная, этническая или территориальная, могут существенно ослабить или подменить чувство принадлежности к тому или иному государству, особенно в условиях плюрального общества. Так, в Великобритании сильно выражены региональные идентичности – шотландская, валлийская и североирландская. Бельгия являет собой пример борьбы территориально-этнических идентичностей. Канада представляет собой «лоскутное

¹ Цит. по: Миненков Г.Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 23.

одеяло», состоящее из англофонов и франкофонов, а также множества этнокультурных групп¹.

Как справедливо было отмечено О.В.Поповой, в полиэтнических обществах возможно возникновение «конфликта параллельно существующих идентичностей»². Итогами такого «столкновения», как полагает Т.Б.Бекназар-Юзбашев, являются следующие три модели: «модель империи, в которой специфическая этническая дифференциация общества сохраняется, а государственное единство обеспечивается за счет иерархической организации и контролируемой деэтнизации этничности»; «модель национального государства, организуемая по принципу деэтнизации государственности и создания надэтнической «политической нации»; «модель мультинационального государства, в рамках которой межэтническая интеграция реализуется через признание этнокультурного плюрализма общества и полиэтнизацию государства»³.

Любопытна идея С.Хантингтона о соотношении разных типов идентичности. Американский автор использует метафору, сравнивая национальную идентичность с другими идентичностями с помощью буквы «U»⁴. По его мнению, в мусульманском мире «U» имеет обычный вид: сильнее всего приверженность семье и роду, а также исламу и умам его проповедников; при этом национально-государственная идентичность оказывается внизу, то есть получается, что она слабее двух других идентичностей. В западном мире буква «U» перевернута: нация

¹ В Канаде принято говорить «украинские канадцы», «китайские канадцы» и пр., а не наоборот («канадские украинцы», «канадские китайцы»), тем самым подчеркивая, что в первую очередь представители этих этносов являются канадцами. В России по-другому расставляют акценты («российские немцы», «российские таджики»).

² Попова О.В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // Полис. – 2009. – № 1. – С. 151.

³ Бекназар-Юзбашев Т.Б. Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=416>, свободный. Проверено: 3.10.2011.

⁴ См.: Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – С. 42.

подразумевает глубокую лояльность и преданность, значительно превосходящую по силе преданность семье и вере¹. В ряде современных стран с сильными периферийными идентичностями происходит «перевертывание» «U»: в них существенную роль играет не национально-государственная, а иная идентичность, например, этнотерриториальная (провинция Квебек в Канаде) или религиозно-территориальная (Северная Ирландия).

Другим дискуссионным вопросом, касающимся оснований национально-государственной идентичности, является вопрос о том, являются ли эти основания исключительно политическими, то есть связанными с государственностью, с институтами и символами власти (президент, монарх, герб, флаг, гимн и пр.), или неполитическими (универсалии культуры, этничность, религиозность и др.). Можно ли, опираясь на неполитические (негосударственные) основы, создать национально-государственную идентичность? Эти вопросы актуальны для стран как со слабыми (Россия), так и сильными политическими институтами (Канада).

Опыт разных стран мира показывает: национально-государственная идентичность возникает как за счет политических, так и неполитических факторов. Кто-то остроумно заметил: бельгийцев объединяют две вещи – корона и футбольная команда. Во время подготовки Европейской конституции разгорелась дискуссия о том, можно ли рассматривать христианство в качестве основы европейской идентичности. В конечном итоге было решено не включать положение о христианстве в проект конституции Евросоюза, а лишь сказать о его культурных основах. Но спор продолжается до сих пор: одни считают, что «цементирующей» силой европейской идентичности являются институты Европейского Союза, другие настаивают на том, что в Европе существует общая культура, общая история, единые европейские ценности.

¹ См.: Хантингтон С. Указ. соч. – С. 42.

Для России проблема политических и неполитических оснований идентичности также актуальна. Сегодня накануне Универсиады 2013 года, Олимпиады 2014 года и чемпионата мира по футболу 2018 года ставка делается на так называемый «спортивный патриотизм», который выступает «эрзацем» национальной идеи. Согласно опросам Фонда «Общественное мнение», россияне испытывают сильное чувство гордости именно за спортивные достижения страны¹. У них возникает чувство сопричастности в связи с успехами российских спортсменов.

Дилемма между политическими и неполитическими основаниями национально-государственной идентичности не имеет простого решения. В тех странах, где объединяющим началом преимущественно являются государственные основания, граждане ощущают «нехватку» культурной составляющей национально-государственной идентичности. Например, в Канаде нередко можно услышать такие суждения: «какой же я канадец, если не могу припомнить ни одного великого канадского писателя или поэта!» или «чем же нам гордиться, кроме высокого уровня жизни?» (который, предполагается, записывается в заслугу государства). В странах же с «нехваткой» государственной составляющей идентичности «страдает» именно гражданское самосознание: активно используемое в речи первого российского президента Б.Н.Ельциным понятие «россияне» многими воспринималось как нечто пустое и искусственное.

Для формирования национально-государственной идентичности активно «эксплуатируются» одновременно и политические (сильные политические институты и принципы, историческую память, политические мифы, идеологемы и ярлыки), и неполитические источники. В первую очередь, государство заинтересовано в создании прочных политических оснований национально-государственной идентичности. В противном

¹ См.: Магун В.С., Магун Ася В. Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/cgi-bin/get_document.cgi/vedomosti_05-03-2010.pdf?file=2010/03/05/227331_2337055979, свободный. Проверено: 3.10.2011.

случае происходит «съезд» на территориальную, этническую, культурную и иные идентичности.

Каковы политические основания национально-государственной идентичности? Во-первых, это политические принципы и ценности, которые разделяются значительной частью населения. Идентичность американцев базируется на свободе, равенстве, демократии, правах отдельной личности, уважении прав человека, главенстве закона и частной собственности. «Что ж, мы действительно привержены этим принципам, – пишет американский политолог С.Хантингтон, – они объединяют нас в нацию и являются воплощением «американской веры»¹. Канадцы гордятся тем, что их объединяют ценности мира, справедливости, свободы, равенства и прав человека.

Во-вторых, формированию ощущения связанности со страной активно способствует доверие к политическим институтам – монарху (в европейских странах), президенту и армии (в Латинской Америке), парламенту (в странах вестминстерской демократии). Уникален в этом отношении опыт Канады. Пожалуй, это одна из немногих стран, где символом государственности и уважаемой персоной выступает полицейский из Королевской канадской конной полиции (*the Mountie*) – основных полицейских сил страны. Он имеет хорошо запоминающуюся форму – красный пиджак с позолоченными пуговицами, тёмно-синие верховые брюки с жёлтой полосой на внешней стороне штанины, широкополую шляпу-стетсон, высокие сапоги из коричневой кожи и поясной ремень из коричневой кожи.

В-третьих, одним из оснований национально-государственной идентичности является позитивная историческая память народа и исторические мифы. Целый ряд постсоветских стран обращается к истории для единения людей с государством. Так, в прежней конституции Киргизии содержались ссылки на героя национального эпоса Манаса. Роль

¹ Хантингтон С. Указ. соч. – С. 85.

национального героя в Узбекистане выполняет Тимур (Тамерлан). Таджикистан решил сделать своим культурным символом династию Саманидов, тысячелетие которой праздновалось в республике в 1999 году¹.

В-четвертых, огромное значение для создания национально-государственной идентичности имеет политическая символика, идеологемы и «ярлыки». Так, например, в формировании канадской идентичности определенную роль сыграл флаг: если первоначально канадским флагом служил флаг британского торгового флота с красной эмблемой (что мешало воспринимать Канаду как независимое государство), то в дальнейшем страна выбрала в качестве своего символа кленовый лист, призванный объединить англоканадцев и франкоканадцев и создать ощущение тождественности с одной страной – Канадой. Действительно, флаг является точным «маркером» принадлежности к государству и гордости за него. Мэра Марселя после футбольного матча возмутило то, что французские арабы, празднуя победу своей любимой команды на улицах города, несли больше алжирских флагов, чем французских.

Наконец, в-пятых, положительные результаты внутренней и внешней политики государства способны существенным образом повлиять на отождествление гражданина с государством и, напротив, неудачи в экономической и социальной политике, промахи на международной арене «отдаляют» людей от государства. Скромная роль Канады в международных отношениях или снижение роли России в мире после развала сверхдержавы СССР – факторы, ослабляющие национально-государственную идентичность. Результаты опросов общественного мнения показывают, что россияне не гордятся или мало гордятся теми сторонами жизни, которые связаны с повседневной деятельностью государства, реализацией государственной политики – социальной, экономической, политикой в области защиты прав людей. Так, опрос

¹ Бимен У.О. Формирование национальной идентичности в условиях мультикультурализма: на примере Таджикистана // Полис. – 2000. – № 2. – С. 160.

Фонда «Общественное мнение» показал, что 84% респондентов «не очень гордятся» и «совсем не гордятся» системой социальной защиты населения (пенсионным обеспечением, помощью многодетным семьям и т.п.). Более двух третей опрошенных не испытывают совсем и не очень испытывают чувство гордости за положение дел с социальной справедливостью и равноправием всех групп населения (76%), экономические достижения России (73%), положение дел с демократией (67%)¹. Больше всего россияне гордятся так называемыми «элитарными» достижениями – российской историей, российскими достижениями в литературе, искусстве, спорте, науке².

Для формирования национально-государственной идентичности государства прибегают к целому «букету» неполитических оснований. «Каким образом можно выделить «настоящих» французов и француженок?» – задается вопросом американский профессор У.Сафран. И отвечает: «Безусловно, не на основании религии, так как верующие католики составляют меньшинство. Конечно, не по кулинарным предпочтениям, поскольку кус-кус стал главным блюдом французской кухни. Несомненно, не из-за белого французского, так как по-французски говорят и в нескольких других странах. [...] То же относится к уроженцам Франции, принявшим ислам. Там и сям можно встретить упоминания о том, что лучшим тестом на национальную идентичность можно считать способность назвать победителей Гонкуровской премии, узнавать Зинедина Зидана и знакомство с комиксами про Астерикса»³.

Каковы же основные неполитические основания национально-государственной идентичности? Прежде всего, созданию ощущения связи с государством способствует чувство родины (места, где человек родился), страны (понимаемой в данном случае как некоей территории, населенной

¹ См.: Магун В.С., Магун Ася В. Указ. соч. – С. 17–18.

² См.: там же.

³ Сафран У. Указ. соч. – С. 76.

народом). Показательно, что в 1990-е годы среди россиян для обозначения России использовалось выражение «эта страна», и тем самым люди дистанцировались от государства. Гордость граждан за природные, климатические и географические стороны родной территории является «шажком» к отождествлению себя с тем или иным государством. Так, советские люди гордились огромными размерами СССР. Канадцы полагают, что их северная природа самая красивая, поскольку, как сказал один из премьер-министров М. Кинг, здесь «слишком мало истории и слишком много географии». Исландцы «без ума» от своего острова, поскольку на нем «самый чистый в Европе воздух», «самые лучшие в Европе термальные источники», «самые древние ледники». Нередко предметом гордости являются природные ресурсы страны (нефть, газ, золото и др.).

Основанием национально-государственной идентичности может выступать национальный характер, который помогает создать ощущение тождества с народом, нацией и, в конечном итоге, с государством. Всем известно, что американцы прагматичны, британцы консервативны, итальянцы общительны. Опрос 2009 года в ФРГ показал, что для 90% респондентов немецкая идентичность ассоциируется с такими добродетелями, как порядок, обязанности и этос достижения¹. Британский новелист Д. Адамс сказал, что каждая страна напоминает человека определенного типажа: «Канада схожа с интеллигентной 35-летней женщиной. Америка, в свою очередь, – это воинственный подросток».

Еще более крепкой основой для национально-государственной идентичности является общность происхождения народа, населяющего территорию государства. Так, во Франции говорят, что истинный француз – это тот, который происходит от галльских предков, а потому неслучайно популярен знаменитый комикс про Астерикса и Обеликса.

¹ См.: Сафран У. Указ. соч. – С. 85.

Как говорилось выше, идентичность строится не только на объединении, но и на различии. Пониманию того, что мы другие, способствуют неполитические символы и образы: канадский гусь и кленовый сироп; яблочный пирог, Янки Дудль, братец Джонатан, лысый орлан, бейсбол, фастфуд в США; Джон Буль в Великобритании; макароны в Италии. Три компонента культуры – *DDD* (*dinner, dress, dance* – еда, одежда и танцы) позволяют подчеркнуть национальную специфику (часто символически).

Национальная гордость – важный элемент национально-государственной идентичности. Ее предметом могут быть национальные герои, достижения в области науки и техники, литературе, искусстве, спорте (так называемые элитарные достижения). Американцы горды тем, что в их стране больше всего в мире лауреатов Нобелевской премии. Канадцы, которые мучаются вопросом о том «кто мы?», испытывают большие проблемы с «великими личностями», поскольку, как язвительно сказал Д. Вудкок, «канадцы не любят героев, и потому их у них нет». Как уже отмечалось выше, россияне согласно опросам гордятся больше неполитическими сторонами жизни – литературой, искусством, спортом, наукой¹.

Одним из факторов формирования национально-государственной идентичности является язык. Мобилизация в рамках нациестроительства, особенно в XIX веке, опиралась на осознание обладания общим языком; и сегодня язык – основной элемент определения гражданской нации². Однако роль языка не одинакова в разных странах: если во Франции «французскость», несомненно, связана с французским языком, то в США на протяжении длительного времени американский вариант английского языка, как правило, не был определяющим фактором американской

¹ См.: Магун В.С., Магун Ася В. Указ. соч.

² См.: Сафран У. Указ. соч. – С. 71.

идентичности, хотя сегодня в стране растут опасения в связи со стремительным распространением испанского языка.

Роль языка в формировании национально-государственной идентичности неоднозначна: во-первых, говорящие на одном языке люди не обязательно являются гражданами одного государства: по-французски говорят в Бельгии и Швейцарии; во-вторых, английский язык никогда не был обязательным условием американской идентичности, и владение английским языком никогда не было ни необходимым, ни достаточным элементом чувства принадлежности к американской нации; в-третьих, хорошее знание языка страны никогда не защищало черных, индейцев и азиатов в США, евреев и мусульман во Франции от сомнений в их принадлежности к национальным сообществам¹. Кроме того, следует добавить, что владение тем или иным языком может стать основой не национально-государственной, а этнической идентичности.

Можно предположить, что существенно облегчается процесс формирования национальной идентичности в обществах с однородной структурой. «Скрепой» при этом выступает один язык, одна религия, одна этническая группа. Напротив, в плюральных обществах, отличающихся разнообразным составом, государство сталкивается с сильным влиянием идентичностей, построенных на иных основаниях.

Завершая разговор об основаниях национально-государственной идентичности, следует сказать, что неполитические основания не могут служить единственными опорами, если слабы политические основания. Неполитические основания – лишь «подспорье» сугубо политическим основаниям. К тому же, в ряде случаев вместо усиления национально-государственной идентичности может усилиться территориальная, этническая, религиозная, что приведет к конфликту идентичностей.

Национально-государственная идентичность в большей степени является конструктом, причем преимущественно дискурсивным и

¹ См.: Сафран У. Указ. соч. – С. 72.

зависимым от контекста¹. Поэтому государства и другие акторы могут существенно влиять на формирование идентичности, проводя так называемую «политику идентичности». В научной литературе это понятие имеет два значения. Согласно американской интерпретации, политика идентичности (*politics of identity*) характеризует консолидацию непривилегированных групп и их самоотождествление в национальном политическом ландшафте², «агрессивное отстаивание собственной идентичности рядом групп, борющихся за право на «особость»³. Другое значение этого термина – государственная политика (в английском языке используется термин *policy*) по формированию (конструированию), утверждению и корректированию национальной идентичности. Именно такое понимание политики идентичности адекватно текущим задачам государств, пытающихся сохранить или сконструировать свою идентичность.

Анализируя опыт разных стран, можно, на мой взгляд, выделить несколько моделей политики национально-государственной идентичности:

- 1) сильная государственная политика идентичности и сильная идентичность;
- 2) сильная государственная политика идентичности и слабая идентичность;
- 3) слабая государственная политика идентичности и сильная идентичность;
- 4) слабая государственная политика идентичности и слабая идентичность.

¹ См.: Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 14.

² См.: Ефременко Д.В. Драма европейской идентичности // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 159.

³ Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей по итогам Всеросс. науч.-теорет. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 окт. 2010 г.). – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 11.

Первая модель (сильная государственная политика идентичности и сильная идентичность) характерна для стран, которым удалось успешно «выплавить» единую нацию. Речь идет, прежде всего, о Соединенных Штатах, на протяжении почти двух столетий проводивших активную политику «плавильного тигля». Во Франции состоялась «переплавка» сословных и корпоративных идентичностей, с одной стороны, и центр-периферийных идентичностей, с другой¹. В Германии произошла унификация различных идентичностей земель через формирование общегерманской этнической культуры, а Италия – это результат «сплавления» различающихся по своему общественному устройству Севера и Юга в рамках единого независимого государства². Однако сегодня эта традиционная политика уже не в состоянии ответить на вызовы иммиграции, культурного разнообразия и глобализации.

Вторая модель политики национально-государственной идентичности (сильная государственная политика идентичности и слабая идентичность) реализуется в странах с плюралистической этнической и культурно-языковой структурой общества. Так, как уже отмечалось выше, несмотря на то, что в Канаде государство вот уже почти полтора столетия проводит активную политику по единению канадской нации, поиск национального самоотождествления продолжается и по сей день. На данном этапе этот поиск привел к весьма необычному для большинства стран результату: основой национально-государственной идентичности Канады стала не какая-то определенная культура, что существенно облегчило бы процесс отождествления жителей с государством, а мультикультурализм. В преамбуле канадского акта о мультикультурализме говорится, что «правительство Канады признает разнообразие канадцев по расовому, национальному и этническому происхождению, цвету кожи и

¹ См.: Тимофеев И. Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/thirteen/007.htm>, свободный. Проверено: 3.10.2011.

² См.: там же.

религиозным убеждениям как основополагающую черту канадского общества»¹.

Однако следует усомниться в способности мультикультурализма выполнить «миссию» по формированию крепкой национально-государственной идентичности в Канаде. Во-первых, принцип мультикультурализма реализуется и других странах мира, а потому вряд ли может претендовать на роль специфической черты, присущей только канадцам. Во-вторых, если рассматривать мультикультурализм как основу национально-государственной идентичности, то очевидно необходимо, чтобы его ценности разделялись всеми канадцами. Франкоканадцы настаивают на сохранении своей культурной самобытности и не склонны считать мультикультурализм принципом жизни. Опросы общественного мнения показывают, что франкоканадцы этноцентричны, не благосклонны к иммигрантам, а другие культуры и языки рассматривают как потенциальную угрозу франкоговорящему сообществу². В-третьих, идентичность нации предполагает единение на базе неких общих ценностей, а в случае с мультикультурностью происходит не единение канадцев, а их разделение. Итог сильной государственной политики идентичности Канады – трудности, испытываемые в процессе национальной самоидентификации. По оценкам канадологов, «и по сей день продолжает формироваться национальная идентичность канадцев»³.

Модель «сильная политика идентичности и слабая идентичность» наблюдается сегодня в Европейском Союзе: «задача как можно более широкого приобщения масс к идее европейской общности становится задачей особой политической значимости, решение которой архитекторы

¹ Canadian Multiculturalism Act. R.S.C., 1985, с. 24 (4th Supp.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/C-18.7.pdf>, свободный. Проверено 5.10.2011.

² См.: Ажаева В.С. Мозаика политической культуры Канады. – М., 1996. – С. 25.

³ Головкина О.В. Мультикультурализм и проблема национальной идентичности в Канаде // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 6. – С. 127.

единой Европы считают залогом успеха всего интеграционного проекта»¹. При конструировании общеевропейской идентичности ставка делается на разные основания: а) экономические (внедрение евро, общих стандартов торговли, возможность перемещения рабочей силы из одного государства ЕС в другое); б) политико-институциональные (институт членства в Европейском Союзе как некая «привилегия» европейских государств); в) культурно-цивилизационные (оперирование понятиями «мировое сообщество», «гуманистические ценности», «общечеловеческая культура»)². Однако, несмотря на колоссальные усилия ЕС по конструированию единой европейской идентичности, сегодня вряд ли можно говорить о разделяемом всеми жителями Союза чувстве наднациональной общности.

Модель «слабая государственная политика идентичности и сильная идентичность» возникает в тех странах, где у нации существует сильное объединяющее начало – этническое, религиозное, культурное, историческое. Китай представляет собой страну древних политических и культурных традиций, одной из которых является восприятие государства как высшей ценности. Доминирующая культура патерналистско-государственнического типа основана на конфуцианском идеале «государства-семьи»³. Китайское государство умело использует историческое сознание и историческую память о великих достижениях прошлого для формирования чувства патриотизма. Правда, следует отметить, что Китай в последние годы стал проводить более активную политику, в основе которой лежит не только исторический опыт и

¹ Вайнштейн Г. Идентичность инокультурных меньшинств и будущее европейской политики // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2011. – № 4. – С. 3.

² См.: Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // *Идентичность как предмет политического анализа...* – С. 23.

³ См.: Семененко И.С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа // *Там же*. – С. 99.

исторические традиции, но и нынешний экономический успех страны и ее притязания на мировое лидерство¹.

Четвертую модель «слабая государственная политика идентичности и слабая идентичность» мы можем обнаружить в ряде стран, переживающих модернизацию своей государственности и не определившихся с тем, кем являются граждане. К числу этих стран принадлежит Россия, где по данным опросов общественного мнения национально-государственная идентичность значительно слабее по сравнению с европейскими странами². С точки зрения проведения политики идентичности наша страна также не на высоте. Можно указать лишь на два документа, имеющих отношение к формированию национально-государственной идентичности, – устаревшая Концепция государственной национальной политики РФ, утвержденная Указом Президента РФ Б.Н.Ельцина 15 июня 1996 г. и недавно принятая Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 - 2015 годы» (утв. постановлением Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795). Парламентом так и не принят закон «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации».

Вопрос о необходимости проведения политики по формированию национально-государственной идентичности редко обсуждается в политических кругах. Лишь представители академического сообщества бьют тревогу о запущенности проблемы. Вместе с тем, государство должно быть заинтересовано в выработке и реализации систематической политики идентичности, используя разнообразные каналы (СМИ, образование, публицистика и др.), ритуальные, церемониальные и повседневные практики. Конечно, речь не идет об идейной

¹ См.: Семененко И.С. Национальные практики формирования гражданской идентичности... – С. 100.

² См.: Магун В.С., Магун Ася В. Указ. соч. – С. 27.

«индоктринации» или «промывке мозгов» россиян. Политика российского государства в этой области должна иметь взвешенный характер.

Итак, национально-государственная идентичность представляет собой важнейшую разновидность идентичности. Ее содержание, основы и взаимодействие с другими идентичностями сложны и противоречивы. В последние десятилетия политология столкнулась с серьезными проблемами, связанными с политическими и социальными трансформациями в стране и мире. Глобализация, открытое информационное пространство, развитие сетевых взаимодействий, высокая мобильность людей, иммиграция, мультикультурализм существенно меняют не только облик государства, но и представления людей о нем и их ощущения по поводу государственности. Идентичность становится «текучей»¹, но разглядеть ее в «водовороте» событий, «поймать» и изучить – актуальная научная задача. Поэтому все дискуссии о национально-государственной идентичности – впереди.

¹ Термин З.Баумана. См.: Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю.В.Асочакова. – СПб., 2008.